

им приходится пройти свойственные классической форме воспитательного жанра этапы. Среди множества тем, поднятых автором в романе-вестерне, отчётливо выделяется тема поиска себя и своего места в жизни, вера героя в идеалы, за которыми он отправляется в путь, тема любви и дружбы, преданности и предательства, и своеобразная трактовка темы отцов и детей, что позволяет определить ключевые мотивы смысловой структуры произведения в русле жанровых маркеров романа воспитания.

Таким образом, многоликость стилевой организации, интертекстуальные связи, оригинальные стратегии нарратива, реконструкции традиционных тем и проблем, попытки экзистенциального осмысления молодым героем своего места в мире наполняют современный американский роман воспитания новым содержанием и обогащают его художественную форму, открывая перспективы возникновения будущих жанровых концепций.

Литература

1. *Бутенина, Е. М.* Исповедальность Достоевского и современный американский роман о подростке [Электронный ресурс] / Е. М. Бутенина // Вестн. Перм. ун-та. Серия: Рос. и зарубеж. филология. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispovedalnost-dostoevskogo-i-sovremennyyamerikanskiy-roman-o-podrostke>. – Дата доступа: 28.10.2022.
2. *Зелезинская, Н.* Подростковая литература как зеркало общества [Электронный ресурс] / Н. Зелезинская // Вопросы литературы. – Режим доступа: <https://voplit.ru/article/podrostkovaya-literatura-kak-zerkalo-obshhestva/>. – Дата доступа: 28.10.2022.
3. *Шалимова, Н. С.* Роман Д. Тартт «Щегол»: к поэтике жанра романа воспитания [Электронный ресурс] / Н. С. Шалимова. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60625/1/initium_2018_027.pdf. – Дата доступа: 28.10.2022.

С. С. Сидор (Беларусь)

ОБРАЗ МЕДЕИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕВРИПИДА, Ж. АНУЯ, Л. УЛИЦКОЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Медея – мифологический персонаж, перешедший в разряд вечных литературных образов, особенность которых в том, что они под оболочкой конкретного персонажа скрывают нечто большее, чем отдельная судьба героя. Они вбирают в себя борьбу идей, которые не изживаются только в свою эпоху, которые скрывают в себе многие философские, социальные тенденции.

Через судьбу Медеи рассматриваются философские вопросы вины, жертвы, преступления, внутренней борьбы. Медея – преступница, предавшая свою семью ради любви Ясона. Но прошло время – и она сама оказывается преданной Ясоном, решившим порвать с ней и жениться на другой – царевне Главке (Креусе). И Медея вершит приговор, решив наказать Ясона, забрав у него самое дорогое – детей. Но это возмездие направлено и на Медею: убивающий детей палач (жена, которую предали), превращается в жертву (мать), лишившуюся их. Трагизм конфликта в том, что разрешить его без жертв невозможно.

Мифологический образ Медеи как один из самых «мощных» женских образов осмысливается писателями на протяжении многих веков: Еврипид («Медея»), Аполоний Родосский («Аргонавтика»), П. Корнель («Медея»), Ф. Грильпарцер («Золотое руно»), Ж. Ануи («Медея»), К. Вольф («Медея. Голоса»), Л. Улицкая («Медея и ее дети»), Ю. Чернявская («Синдром Медеи») и многие другие обращаются к осмыслению этого образа.

Исследователь В. Бабенка утверждает, что «нет отдельного, самостоятельного мифа о Медее, у всех авторов он включен в миф об аргонавтах», в котором Медея сыграла важнейшую роль в их подвиге, благодаря ей они добились золотого руна [2].

Еврипид – древнегреческий драматург, крупнейший представитель «золотого века» афинской трагедии, вдохновлялся мифологическими сюжетами. Одной из отличительных черт трагедий Еврипида было углубление в художественное познание специфики женского характера: Гекуба, Андромаха, Елена, Электра, Медея, Федра и др. Все они в изображении Еврипида являются воплощением той или иной стороны женской идентичности, к числу которых относятся любовь матери и жены, мстительность преданной мужчиной женщины, ее хитрость, коварство на грани с жесткостью, но вместе с тем способность к самопожертвованию, терпение, самоотречение.

Традиционным для античного общества классического периода было представление о том, что женщина, будучи зависимой от мужчины, стремится к тому, чтобы сохранить брак, даже если муж полюбил другую женщину и хочет создать новую семью. Непосредственно в этом отношении Медея Еврипида открывает новое развитие событий тем, что является персонажем своевольным, имеющим сильный характер и нрав, самостоятельно принимающим решение.

Примечательно происхождение Медеи: она иностранка, что позволяет взглянуть на нее как на человека, не привязанного к какому-то месту. Самостоятельно распорядившись своей судьбой, Медея едет за Ясоном в Грецию, считая, что он достоин ее любви настолько, что убивает своего брата, обманывает отца. Действительно, жертвы Медеи неоченимы. Она решительная и беспощадная, поскольку, убедившись в том, что ее муж не тот, кем казался, Медея покидает его. Обращаясь к хору коринфских женщин, она говорит: «Все, что имела я, слилось в одном, чувстве ненависти в душе Медеи» [3, строки 230–231]. В этой душе все: боль, отчаяние, злость, любовь, ненависть.

Уже после совершения преступления (убийства Главки и Креонта) Медея понимает, что теперь для нее назад пути нет: ее с Ясоном детей, отнесших Главке отравленные волшебницей Медеей дары, неминуема ждет месть жителей Коринфа, и она принимает решение убить их сама: «Так... решено, подруги... Я сейчас / Прикончу их и уберусь отсюда, / Иначе сделает другая и моей / Враждебнее рука, но то же; жребий / Им умереть теперь. Пускай же мать / Сама его и выполнит...» [3, строки 1237–1242].

Убивая детей, она наказывает не только Ясона, но и себя. Ей не менее больно от того, что ее дети мертвы. Смерть детей для Медеи и Ясона означает их физическую смерть только для своих родителей. Ее убийство – это граница между тем, что дети были в ее жизни, были частью ее жизни и перестали в ней существовать. Не случайно в финале колесница Гелиоса забирает и Медею, и убитых ею детей. Да, факт того, что Медея – детоубийца, не поддается сомнению. Но Еврипид все-таки милосерден к зрителю и дает ему надежду на то, что дети будут жить с Гелиосом, «сменивши жизнь иною» [3, строка 1138] в мире богов, но не в мире измученных страстями людей. Но Медея Еврипида – и жертва: жертва своих страстей, демонического начала, которым она не может управлять. Еврипид неоднократно подчеркивает словом «демон» тот образ, на который больше походит теперь героиня. Через слова хора: «Но если налетом вырвет / Из дома их демон смерти...» [3, строки 1108–1109]; «Наполнил демон мести / Кровавыми парами...» [3, строки 1259–1260].

А также в финале трагедии, но уже словами Ясона: «Ты демон тот была, которым боги / В меня ударили...» [3, строки 1333–1334].

Французский драматург Жан Ануй во главу своих произведений зачастую ставит героев, выходящих на конфликт с обществом. Не стала исключением пьеса «Медея», в основу которой традиционно положен миф об аргонавтах. Перед нами предстают два героя, изрядно уставших от своей жизни и требующие перемен. Ясон устал («Я хочу забвения и покоя» [1]), он хочет изменить свою жизнь, женившись на молодой царевне, пусть ради этого ему и придется бросить свою семью. Медея, хоть и не менее уставшая – «...я должна была покоряться ему, и улыбаться, и наряжаться, чтобы ему понравиться» [1] – не готова соглашаться на те условия, которые предлагает ей муж: покинуть город и оставить детей Ясону.

Как говорилось в мифе, любовь Медеи к Ясону – это влияние чар Афродиты. Влюбленность Медеи чиста и наивна. Она совершала ужасные вещи – предательство отца, убийство брата, слепо следуя за Ясоном, пытаясь угодить ему, ставя его на первый план. По Ж. Аную, нельзя назвать любовь Медеи и Ясона слепой страстью. Ведь в самом начале зарождения взаимоотношений они были чуть другими: «Два сообщника в борьбе с жизнью, день ото дня становившейся все трудней, два маленьких брата, которые, засучив рукава, несут свою ношу, шагая бок о бок, всем равные, готовые ко всему, даже к смерти, они без лишнего слов все делили поровну: и пожитки, и усталость, и бутылку вина за трапезой, а в стычках каждый дрался своим ножом» [1].

К концу пьесы четко обрисовываются приоритеты обоих героев, их антиподность. У них разные взгляды на жизнь. Ясон слишком зависим от мнения общества, что диктует ему правила, слепо повинуется ему, его личность утонула в обществе: «Я жду – если это будет угодно богам – того, что больше всего на свете ненавидишь ты, того, что всегда бежало тебя: счастья, простого счастья» [1].

В то же время Медея, как натура максималистическая, идет на поводу страстных чувств: «Медея – такой же зверь, как и вы. Как и вы, Медея будет наслаждаться и убивать. Эта пустошь прилегает к другой, потом еще пустошь и еще, и так до самой границы тьмы, и везде миллионы зверей одновременно отдаются друг другу и убивают друг друга. О звери ночные! Медея здесь, среди вас, я ваша сообщница, я предала свой род. Вместе с вами я испускаю жуткие звериные вопли, вместе с вами, не рассуждая, я подчиняюсь владычеству тьмы» [1].

Если у Еврипида Медея – жертва, то у Ж. Анюя – палач, разрушитель. Здесь нет никакого мотива «иной жизни» для детей. Она не уносится на колеснице, а горит на костре «до последней кости». Но ее жертва напрасна. Она ничего не меняет: Ясон идет выпускать новые законы, кормилица говорит об урожае... – была Медея или не была? Нужна была ее жертва или не нужна? В мире ануевской Медеи утверждается торжество зла и безразличия к человеку, его экзистенциальное одиночество: равнодушие богов, жалкое человеческое счастье, мир, в котором надо ждать смерти.

Новую и необычную трактовку мифологического предания предлагает Людмила Улицкая. Роман «Медея и ее дети», по словам самой Л. Е. Улицкой, является семейной хроникой. Вступлением в романе становится некая вводная в жизнь героини, рассказывающая о ее происхождении, своеобразно трактующая мифический контекст: «Медея Мендес, урожденная Синопли – если не считать ее младшей сестры Александры, перебравшейся в Москву в конце двадцатых годов, – осталась последней чистопородной гречанкой в семье, поселившейся в незапамятные времена на родственной Элладе таврических берегах» [4, с. 1]. Ко всему прочему, Л. Е. Улицкая пишет о том, что Медея в семье последняя, кто в относительной мере сохранил знание греческого, но не осталось тех, с кем она могла поговорить на нем. Также героиня является долго время вдовой, хотя и повторно замуж не выходит.

Еще к одной схожей черте с еврипидовской Медеей следует отнести магические силы, которыми владеет героиня. В романе подчеркивается: «Вся округа, ближняя и дальняя, была известна ей, как содержимое собственного буфета» [4, с. 1]. Мистика окружает героиню и в повседневности: «... Жизнь ее была полна многозначительными встречами, странными совпадениями и точно подогнанными неожиданностями. Однажды встреченный человек через многие годы возвращался, чтобы повернуть судьбу, нити тянулись, соединялись, делали петли и образовывали узор, который с годами делался все яснее» [4, с. 5].

Героини и Еврипида, и Ж. Ануя, и Л. Е. Улицкой переживают предательство своего супруга. Но тут же и отличие характеров: у Л. Е. Улицкой Медея смогла искренне простить мужа и сестру, с которой ей изменили. Отправной точкой для этого служит смерть, во всем романе она довольно символична. Лишь тогда, когда ее муж умирает, Медея может начать жить заново, наконец думать о своей жизни без забот о муже: «Вдовство ее было прекрасно, ничем не хуже самого замужества. ...Вдовство длилось уже значительно дольше брака, а отношения с покойным мужем были по-прежнему прекрасными и даже с годами улучшались» [4, с. 99].

Героиня Л. Е. Улицкой не имеет детей – это одна из особенностей ее рода: «Одни не могли произвести на свет хоть самого малого ребеночка, другие, напротив, сыпали в мир красноголовую мелочь, не придавая этому большого значения» [4, с. 2]. Но Медея Л. Е. Улицкой мать не в обычном понимании, она мать для своих многочисленных племянников, братьев и сестер. Созданный Л. Е. Улицкой образ анти-Медеи словно уничтожает образ античной Медеи, Медеи-детоубийцы. В противоположность ему писательница создает образ Медеи-хранительницы очага, истории семьи, родовой памяти.

В литературной трансформации образ Медеи проходит крупнейший путь. От Медеи Еврипида, закрепившись под именем «детоубийцы», к Медее-палачу и самоубийцы Ж. Ануя, где ее жертва ничем не изменила хода событий и ничего не привнесла в жизни других героев. И, наконец, к Медее Л. Е. Улицкой, где полностью снимаются все стереотипы о Медее, она – новая Медея, не имея своих детей, становится всеобщей матерью.

Все модификации, происходящие на этом пути, отражают представление писателей о ценностях жизни, их мироощущение. Это разные типы Медеи, безусловно, имеющие место быть для каждой из своих эпох. Все три автора смогли привнести новое в этот античный образ, в разной мере изменяя характер своих героинь.

Литература

1. *Ануя, Ж. Медея* [Электронный ресурс] / Ж. Ануя // Электронная библиотека Royallib.com. – Режим доступа: https://royallib.com/read/anuy_gan/medeya.html#0. – Дата доступа: 26.04.2022.
2. *Бабенка, В. Античная Медея и Медея двадцатого века* (роман Л. Улицкой «Медея и ее дети») [Электронный ресурс] / В. Бабенка. – Режим доступа: <http://gs.elaba.lt/object/elaba:1744220/1744220.pdf>. – Дата доступа: 10.04.2022.
3. *Еврипид, Медея* [Электронный ресурс] / Еврипид // Библиотека Lib.ru. – Режим доступа: http://az.lib.ru/e/ewripid/text_0030.shtml. – Дата доступа: 22.04.2022.
4. *Улицкая, Л. Е. Медея и ее дети* [Электронный ресурс] / Л. Е. Улицкая // Онлайн библиотека LoveRead.ec. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=3370&p=1. – Дата доступа: 02.05.2022.